

Почитав достаточно много стихов Волосюна или же (а лучше — и) подвергнув несколько из них медленному чтению, вдруг с особой едностью думаешь: «Ну концептуализм же!» Едно оно звучит не потому, что лишает, как кажется, поэта оригинальности и снимает с его плеч ношу первопроходца, а потому, что это все-таки не концептуализм. Очень хотелось бы сказать, что он, но кое-что мешает.

Существуют основные черты, присущие поэтам-концептуалистам, их не так уж много: тотальная ирония, доведение штампа до абсурда, очищение и упрощение языка, парадоксальность, отсутствие (или неявная выраженность) лирического героя, использование центона, однозначный смысл. Ну и цель — обнажение и высмеивание пороков общества, борьба с советской идеологией в целом и с соцреализмом как явлением в литературе.

Если начать сопоставлять с заданным наноном стихи из некоторых подборок («Из цикла “Июньские дополнения”», «Нрещатин», 2021, №1; «Нелживыми устами», «Новый Берег», 2020, № 71; «Масштабы тропы муравейной», «Дружба народов», 2021, № 5), то будет видна картина практически полного инструментарного совпадения:

*Поезд едет в город Крым,
трое суток мчится рысью,
мы поддатые сидим,
хлеб жуем и звезды числим* («Поезд едет в город Крым...»).

В первую очередь стоит обратить внимание на то, что стихи созданы простыми. Строки в них короткие, лексика либо общеупотребительная, либо просторечная. Слова недлинные, практически лишённые приставок и многокомпонентных суффиксов. Это не что иное, как очищение и упро-

щение языка. Причем упрощение максимальное, поэтому поэзия выходит будто бы дистиллированной — она сжата до предела. В пространстве стихотворения нет не то что лишних слов — лишних пустот.

В стихах Ивана Волосяна не может быть интонационных разночтений, поскольку паузы знаками препинания отмечены очень четко. Более того, границы синтагм совпадают с границами строк, поэтому восприятие смысла тоже однозначно. И эту в некотором смысле планатность тоже, без сомнения, можно отнести к приемам концептуализма. Вследствие этого стихотворения Волосяна афористичны, их легко учить наизусть:

*Бродский вышел из народа,
но в дороге сделал крюк.
И теперь за ним природа
мчится с севера на юг* («Бродский вышел из народа...»).

Разумеется, поэтика Волосяна не обходится и без центона. Более того, ирония (по большей части самоирония) и центон — это два нита, на которых она стоит. Индивидуально-авторской внутри общей тенденции к цитированию является тяга к постоянному использованию имен собственных:

*Едут с ним в одном наборе
А. Цветков, Кенжеев Б.* («Бродский вышел из народа...»).

*Вылей воду из старых корыт –
Циолковский важнее всего* («Sonne»).

*Тут охрип Куинджи, Прокофьев глух,
он почти Бетховен, но в смысле места* («Три реки Меладзе пустил
в разлив...»).

Что касается неупоминаний деятелей культуры, искусства и науки и нереминисценций к их образам, то есть несколько центонов, направленных на выражение известного образа, например:

*Я ограничен комнатой моей,
где нет часов и нет календарей* («Ты мне прислала ссылку на [znamlit...](http://znamlit.com)»).

Еще есть фрагменты передачи узнаваемой интонации и метрики, то есть это получается как бы стиховедческий центон:

*Человек уходит сразу
на такие расстоянья,
что за ним нет смысла гнаться
никому и никогда* («Ты пришла к поэту в гости...»).

Не правда ли, похоже на отрывок из «Вредных советов» Григория Остера? И читается точно так же, в том числе и из-за фразы «никому и никогда».

Обратимся теперь к венцу поэтического инструментария Волосяна. Это, как уже было сказано, ирония. Причем такая едкая, что скорее ее можно назвать сарказмом по отношению к окружающей действительности,

и в первую очередь к себе. Привлекая внимание к какой-либо проблеме, сам Иван Волосюк в контексте произведения воспринимает ее через юмористическую призму и даже собственные неудачи (или неудачи героя) не констатирует, а высучивает. Но ирония только подчеркивает трагизм ситуации и от этого становится горькой:

*Рельсы брошены в обход
через Тожск и Чебоксары.
Там меня никто не ждет,
а для Крыма я не старый* («Поезд едет в город Крым...»).

В поэтике Волосюка также есть, разумеется, место и парадоксу. В отличие от характерного для концептуализма явного парадокса (как в «Описании предметов» Дмитрия Пригова, например), здесь парадокс неявный. Он проявляется только при вдумчивом размышлении и при попытке уйти в текст глубже первичного читательского восприятия. Более того, в поэтике проявлены скорее мелкие семантические парадоксы, чем крупные смысловые алогизмы и нарушения. Например, несоответствие топонима и его наименования, тем не менее создающее четкий образ с первых строк стихотворения: «Поезд едет в город Крым».

Черта, также принадлежащая концептуалистской палитре приемов, — это натуралистические детали. В рамках направления быт в принципе превалирует над метафизикой, и многие стихотворения Д. Пригова, Т. Нибирова, В. Некрасова демонстрируют обыденную жизнь индустриального мира и, как следствие, богаты как реалистическими («Когда я помню сына в детстве // С пластмассовой ложечки кормил», Д. Пригов), так и намеренно гротескными, как у Волосюка, деталями. Сюда можно отнести, например, описание донтора в «Я объяснил: мой друг совсем загноился»:

*Но доктор притворился глуховатым
и молча руки вытирал халатом
(он мойзу жрал, пока я ждал в приемной).*

Грубое просторечие «жрал» в сочетании со стилистически нейтральной лексикой выделяет это действие врача, не относящееся вообще к его профессиональной деятельности, среди прочих. В контексте произведения пожирание мойвы выглядит гротескно и с точки зрения лексики, и с точки зрения представления об образе типичного врача.

Что касается обнажения пороков общества и режима, то это у Волосюка предостаточно, как и стихотворений с антисоветским посылом в принципе. Говоря о подчеркивании нелепости и бездушности коммунистического режима и режима в принципе, нужно упомянуть доведение штампов до абсурда. Оно завершает концептуалистский технический базис и имеет самую непосредственную связь с поэтическим целеполаганием. Легко заметить, что штампование сопровождается практически все антисоветские стихотворения, потому что именно оно нагляднее всего иллюстрирует снованность человеческого сознания:

*Газета «Правда» никогда не врет,
мне сорок лет, мне надо на завод,
завод меня убьет.*

Однако концептуалисты боролись с тоталитарностью СССР, а Иван Волосюк подчеркивает вопиющую неправильность тоталитарного режима в принципе, не только советского:

*Человек державой съеден,
брошен под ноги судьбе,
балалайки и медведи
на его живут горбе.*

Это связано может быть и с тем, что до недавнего времени Волосюк жил в Донбассе. Он своими глазами видел то, о чем писали концептуалисты, просто номинально уже в другом государстве. Но суть тоталитаризма неизменна. Именно поэтому ядро всех стихотворений, передающих мироощущение обычного человека в эпоху главенства режима, сходно.

Вопрос лишь в том, как автор осознает себя и в мире, его окружающем, и в мире собственной поэтики, проживает он текущие события или транслирует. Цели и способы их достижения у Ивана Волосюка и концептуалистов конца прошлого века идентичны, однако он все же осмысляет мир в его многообразии и формирует не только представление, но и позицию по какой-либо ситуации. Нанон все же предполагал планатность, концептуалистам нужно было наглядно показать советскому и молодому постсоветскому обществу всю его беспомощность и нелепость, созданную рамками социалистической идеологии. Все тот же Дмитрий Пригов и его ключевой образ махроты как символа российской жизни — это ведь тоже передача действительности, совокупность образов, на основе которых у читателя формируется оценка ситуации в стране. То есть концептуализм предполагает подвести читателя к выработке итогового мнения и направлен в первую очередь на то, чтобы без прикрас выразить советский быт.

Волосюк ничего от своего читателя не требует, и негативной оценки тоже, поскольку он не предлагает ничего оценить, не показывает реальность, снажем так, в первом приближении, то есть просто собственными глазами. Он демонстрирует действительность уже прожитую, оцененную и отработанную одним конкретным человеком — Иваном Волосюком, и это получают уже не стихи, обличающие недостатки реального бытия, а стихи, выражающие в рамках поэтического мира взгляды и позиции автора, которые могут касаться недостатков реального бытия. А могут и не касаться. Далено не все стихи Волосюка антитоталитаристичные или в принципе касаются политики.

Отдельной их темой является поэзия, поэты, литературное сообщество:

*К словам не имея подхода,
один самодельный поэт
стихи сочинял по полгода,
рифмуя «лафет» с «Лафайет» («К словам не имея подхода...»).*

Примеров во всех трех взятых подборках великое множество, и можно было бы вести разговор далее о них и о качестве осознания Волосюком себя как поэта, но главное здесь, что в поэтике нет основного, главного направления. Что нет зацикленности на борьбе с режимом и что поэзия служит вовсе не ей, а механизм внутреннего восприятия. Иван Волосюк

формирует мир своей поэтики, и это действительно целый мир, поскольку в нем находит отражение множество явлений действительности, измененных авторским видением бытия и морально-ценностными установками. Так что главное, почему стихи Волосюка нельзя назвать стихами нанонического концептуализма, — это то, что концептуализм показывает, а Волосюк — воспринимает.

Это вполне себе отвечает вызовам времени: советского режима давно уже не существует, информационное поле человека расширилось во много раз, да и не нужно уже ничего показывать — все и так все знают и видят. О тех явлениях, которые назались людям из 80-х и 90-х непостижимыми, современный человек имеет отчетливое представление. Так что нас уже не удивит демонстрацией того, что вокруг. Тем более что этим постоянно занимаются СМИ. А вот живое, незамутненное апатией и усталостью от жизни мироощущение подчас способно поразить куда больше сухой констатации. Знать что-либо человек может перманентно и, уже один раз узнав, вряд ли заинтересуется получением точно той же информации, если он ее не забыл. А чувства быстротечны, и людям они никогда не приедаются, поскольку каждый раз воспринимаются как что-то новое. Так же и с подобными стихами в современности: просто рассказать о жизни, озвучивая истины, недостаточно. Поэзия всегда была одним из немногих проводников чего-то не надоедающего, поражающего, а если сейчас больше поражают чувства, значит, и литературное направление будет не таким, как раньше, именно в моменте осознания действительного.

Кто такой Иван Волосюк? Явно не нанонический концептуалист. Но если мы видим схожие цели и, главное, одинаковый инструментальный поэтики, то почему бы не назвать его постконцептуалистом? Ведь наследует же согласно требованиям времени, а не повторяет.

